

Евгений ПОНОМАРЁВ*г. Екатеринбург*

ДИВО БОЛОТНОЕ

рассказ

Петухи на деревне ещё не успели огласить криком встречу нового дня, а калитка местного столяра Николая тихо проскрипела. В проёме появилась и тут же исчезла фигура хозяина.

За последний год не раз соседи наблюдали, как Николай до рассвета покидает свой дом и направляется в сторону болота. Уходил он обычно на весь день, возвращался затемно, да к тому же по возвращении затапливал баню. Кто ж в ночь баню топит? И что там делать ночью, как не с нечистой силой якшаться?

Думали односельчане, гадали. Да только оставалось это загадкой для всей деревни.

Старожилы знали, что когда-то дед Николай на болотах держал заимку, копал там канавы для осушения болота. Где находится та заимка — никто не ведал. Несколько раз местные парни пытались проследить за Николаем, но, дойдя до болот, теряли его из виду. Словно исчезал Николай, растворяясь среди вековых елей, тальника и болотной топи, в глубине зарослей, уходя по известным только ему тайным тропам.

– Куда он всё ходит по ночам?.. – любопытствовали односельчане.

– Золото, что ли, ищет? – размышляли мужики.

– Да какое золото там может быть! Топь одна и гниль болотная! – отвечали им бабы.

– С нечистой силой подружился наш Николай, с болотной нежитью шашни завёл! – утверждали старухи, перекрестившись. – Схоронил свою Наталию пять лет назад. Бобылём живёт с тех пор. А ведь мужик-то ещё не старый. Может, и сам на неё, жену-то свою, мор напустил. Кто его знает, какой он на самом деле, Николай-то наш? Чужая душа – потёмки! А то, что он на болото шастает, не к добру.

– Да что вы наговариваете! – вдруг кто-то начнёт заступаться за него. – Николай – хороший мужик. Всю жизнь проробил в колхозной столярке. Какого только инструмента и домашней утвари не смастерил! Для каждой семьи на деревне чего только не изготавливал – от люльки и до гроба!

– Да, руки-то у него золотые!.. – соглашались одни.

– Но и это может тоже от бесовщины идти, – заключали другие.

Так и шли по деревне пересуды. Мужики к Николаю с расспросами подступали. И бабы пытались выведать его тайну. А некоторые из них, что похитрее, даже подпоить иной раз Николая намеревались, чтобы язык ему развязать. Но он хранил молчание, не рассказывал ничего, а только ухмылялся в густую чёрную с редкой проседью бороду.

– ...Ой, бабы, точно знаю теперь, что Николай с нечистью сошёлся! – говорила довольно-таки молодая вдова бабам, стоящим за водой у колодца.

– С чего это ты, Фаина, так решила? – спросила одна.

– Да наемни его стала спрашивать, а он ни в какую не поддался... – поясняла Фаина.

– Это когда ж – наемни-то? – уточнила другая. – Когда ты сына своего, Кольку, к тётке спозаранку выпроводила и пирогов с утра напекла?

– Да при чём тут пироги? – вспыхнула Фа-

ина. – У меня розетку в доме закоротило, я Николая и попросила посмотреть.

– И пришлось тебе для этого на другой конец деревни к нему идти? – подковырнула первая баба.

– Ну да... – засмушалась Фаина.

– То есть к брату своему, который от тебя в соседнем доме живёт, ты не пошла? А к Николаю через всю деревню кинулась, так? – пристала та баба к Фаине.

– Да не было брата в этот день дома, – уже отгрызалась вдова. – Мне что нужно было делать?

– Да как это не было?! – встряла в разговор третья баба – та, что только подошла к ним. – Дмитрий твой неделю как в отпуске, всё по хозяйству у себя хлопочет, с утра до вечера стучит чего-то. Окна-то мои напротив твоих, Фаина. Вы с Николаем-то подходили, Дмитрий в это время поленицу подправлял. Я в это время курам своим пшена за оградой раскидывала, вспомни! Так мужики-то и поздоровались ещё меж собой, Николай-то и со мной поздоровался. А как в дом зашли, так ты занавеску на окнах начала поддёргивать.

Все бабы заулыбались, кроме самой вдовы.

– Ну, а вскоре Николай-то от тебя и выскочил как ошпаренный да восвояси побегал! – не унималась Фаина соседка.

– Наверное, когда к Фаиной розетке он прикоснулся, его током и шибануло! – подковырнула какая-то, и залились смехом бабы.

– Да ну вас! – вконец вспыхнула Фаина. – Всё не так было! У меня розетка действительно не робила. Николай полез посмотреть, поковырялся там отвёрткой. Потом встал на табуретку, в счётчик заглянул. А счётчик-то у меня под самым потолком приделан. А рядом божница в углу. Там у меня старые иконы от бабушки моей стоят. Я в это время на кухне была. Слышу, спрыгнул он на пол. Вышел из комнаты, на бегу сказал, что всё сделал, и выскочил из избы.

– Ну, а розетку-то починил? – спросила подошедшая к колодцу старушка.

– Да починил! – отмахнулась от нее Фаина.

– Не в этом дело. Иконы святые увидал, да и

как чёрт от ладана от них побежал. Говорю же вам, дурам, с нечистью Николай хороводится, на болота не зря ночами таскается.

— Если уж задёрнутые занавески не подсобили, так точно нечисть всему виной! — начала корить Фаину её смешливая соседка. — Не староват для тебя Николай-то?

— А тебе лишь бы глаза не застилали, чтобы всё ты видеть могла! — огрызнулась опять Фаина. — Любопытная какая нашлась! От тебя и задёргиваю занавески! Суёшь свой нос куда не следует!

Расшумелись бабы у колодца, но вскоре затихли. Набрав воды, разошлись они по дворах, отягощённые полными ведрами, последними сплетнями, пересудами и догадками.

Мужики про Николая другое болтали.

— Дуры бабы-то наши! — говорил один, что сидел на лавочке у здания колхозного гаража. — Чушь всякую про Николая молотят. Он не тот человек, чтобы всякой там мистикой и колдовством заниматься, материалист он, так сказать. Тут дело в другом.

— Вот именно материалист! — вторил ему другой. — Значит, верит в материальную выгоду. А что может быть выгоднее, чем золото?! Верно я вам говорю, золотишко наш Николай нашёл на своих болотах. Или клад отрыл, который ему отец или дед евовный оставили.

— Да откуда у отца или деда Николая кладу-то взяться? — начал спорить с ними третий. — Анисим, отец Николая, всю свою жизнь с малолетства батрачил на железной дороге, а дед его торф добывал, каналы рыл, болота осушал. Там и жил он на болотах-то, на заимке своей.

— Ну, а белые-то в девятнадцатом году по этой же железной дороге улепётывали! — ответил ещё кто-то.

И понеслись догадки!

— Да, может, и растрясли золотишко-то своё буржуи, а тут Анисим его и подобрал. А может, и стянул его у какого-нибудь буржуя!..

— И схоронил до поры до времени у отца своего на болоте! А место, куда клад спрятал, Николаю сказал...

— Да как он мог сказать Николаю про клад,

если тому года ещё не было, когда Анисим на фронт в сорок первом ушёл и не вернулся оттудова?!

— А дед Николая тем более не мог сказать, он еще в тридцатые годы помер.

— На заимке ихней вся разгадка находится!

— Так никто эту заимку не видал!

— Ну да, задача! — чесали затылки мужики.

Осень подкатила, зима на носу. После первого снега Николай, взяв у дальних родственников лошадь с санями, опять направился в сторону болот. Уже поздним вечером вернулся он домой. В санях, укрытое рогожкой, лежало что-то тяжёлое и большое. Открыв ворота, завел Николай к себе на двор лошадь с санями.

— Ну что там он такое привёз-то? — любопытствовала соседка — спрашивала у мужа своего, наблюдающего за Николаем из своего окна.

— Спрятано в санях что-то! — отвечал тот. — Точно, Николай золотишком разжился или клад какой нашёл! Эх, жаль, плохо видно!

— А ты иди, прокрадись к воротам да в щёлку посмотри, — советовала соседка мужу.

Так он и сделал — накинул фуфайку и выскочил на улицу. Через некоторое время вернулся к жене раздосадованный.

— Ну-ну, что там, не томи! — набросилась та на своего мужика.

— Да не видать. Темнотища! А Николай что-то длинное и тяжелое вынимал из саней и на руках перетаскивал к себе в избу. Окна-то у него завешаны, не видать, что в доме делается.

— Ой, и что же это такое? — всполошившись не на шутку, произнесла соседка. — Может, украл что? Может, участковому заявить?

— Да ну тебя! — отмахнулся мужик.

С раннего утра деревня стала наполняться слухами.

— Говорят, Николай-то вчерась клад привёз с болота, — рассказывала одна баба своим соседям.

— Да какой клад на болоте? — одёргивала её другая. — Кикимору он привёз! Люди видели, как он её в полушубок закутал и, как бары-

ню, в санях привёз к себе на двор. А потом на руках в дом заташил!

– Да быть такого не может!

– А как ты хотела? Без бабы какой год мужик мается!

– А какая она из себя?

– Ну, ясное дело, с хвостом, вот и носит её на руках.

– Ну да, ходить-то она не может без ног-то!

– А на голове вместо волос тина зелёная растёт.

– Ой, что делается! – крестились некоторые из баб.

С этого времени к Николаю зачастили односельчане. Подыскать предлог, чтобы прийти к столяру, было не сложно. Мужики просили его кой-какой инструмент им сготовить либо подремонтировать старый или хоть рамы оконные смастерить, бабы просили кадушку сладить, черпак выдолбить, шкафчик сколотить, старухи – веретено выточить или прялку наладить. На все руки мастер был Николай, что касалось дерева. А гости всё как ни придут, начинают глазами углы осматривать, разные мелочи подмечать. Одни хотели сундук с золотом увидеть, другие – хозяйку болотную заметить. Но толком ничего выведать не получалось. Всё как обычно в доме у столяра Николая.

Одна из комнат его под мастерскую оборудована была. Там верстак стоял, на нём – стамески, пилы, рубанки, киянки и всякий другой столярный инструмент. На полу в углу – деревянные чурбаны, обрезки досок, стружка кругом накинана. И не удивительно, так как всю жизнь Николай этим ремеслом занимается.

Дел у Николая прибавилось. Приходя с работы, запирался он в доме и выполнял заказы односельчан. А соседи наблюдали за тем, как через занавешенные окна едва пробивается свет от лампочки, горевшей до самого рассвета.

– Что это он ночами-то делает? – любопытствовал сосед. – Никак золотые монеты считает, пересчитывает?..

– А может, он с болотной своей полюбовницей милуется?! – перечила соседу его жена.

– Да ну тебя! – плюнул даже тот.

Всю зиму деревня обсуждала Николая. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь да не приходил к нему в дом. Забирали свои заказы, оставляли новые.

Так прошла зима.

Весной, уже ближе к майским праздникам, пришел Николай к заведующему сельским клубом, принёс ему набор для кухни, который тот для своей жены заказывал.

– Максим Фёдорович, а скажи-ка мне, – начал Николай, – вот у нас в клубе есть красный уголок. А истории нашей деревни нет нигде!

– А какую историю тебе надобно, Николай? – недоумевал заведующий.

– Стена-то там одна совсем пустая стоит... – намекнул столяр.

– Ну? – заведующий вопросительно уставился на него.

– Да я вот подумал, что неплохо бы её украсить...

– Так что на неё повесишь? Карту разве что...

– Пойдём ко мне, Максим Фёдорович, дома я кое-чего изготовил. Затею одну выполнил, показать тебе хочу, – позвал Николай.

Любопытно стало заведующему клубом – сразу и пошёл.

Зайдя в избу, хозяин провёл гостя в свою мастерскую. У стены во всю её длину и высоту стояло резное деревянное панно. Работа была удивительно тонко выполнена. Максим Фёдорович замер, долго рассматривал её.

В центральной части панно была изображена вся их родная деревня с домами, улочками, лавкой, колодцем. А края были обрамлены специальными вставками с сюжетами из жизни деревни. Тут были и уборка хлебов, и сенокос, и резвящаяся в реке детвора, и стада коров на выпасе, и стирка бабами белья в реке, и чья-то свадьба, и прочее. Работа Николая была настолько искусной, что среди изображенных людей легко узнавались

лица односельчан. Местами панно переливалось разными оттенками за счёт вставок из разного дерева.

Максим Фёдорович глядел на чудо такое как замороженный.

— Ну и золотые же у тебя руки, Николай! — наконец сказал заведующий. — Ты чем дерево-то обработал, что оно так выглядит красиво: само по себе тёмное, а словно светится изнутри?

— Это болото наше так дерево пропитало! — улыбаясь, ответил столяр.

— Как это?

— Морёное дерево разных пород, — пояснил мастер. — Пошёл я как-то к болоту за клюквой, — начал свой рассказ Николай. — Набрел на тропу сильно заросшую. Шёл я по ней долго и вышел на небольшую полянку, что была на возвышенности. А с краю этой поляны увидел я избушку полусгнившую, всю мхом покрытую. Это заимка моего деда оказалась. В зарослях то тут, то там едва различимые канавы видно было, а в низинах — стоячая вода. Когда уже решил возвращаться, в одной из заводей на моих глазах вода начала вздуться большим пузырем. Надулся этот пузырь и с шумом лопнул, грязь болотную вокруг расплескав. Меня тоже окатило изрядно. Когда жижа успокоилась, на её поверхность пиленые стволы начали подниматься. Видимо, мой дед ещё их пилил. Вот этот топляк скопившимся болотным газом со дна на поверхность и вытолкнуло. Но, самое главное, древесина не сгнила — только потемнела. А на ощупь каменной стала. Вот и вытаскивал я этот топляк из заводи долгое время. Там и лиственница, и берёза, и осина, и даже можжевельник попадался. Складывал всё рядом с избушкой. Вытащил я брёвна и каждый ствол толстым слоем мха укутал, чтобы медленнее просыхало и не потрескалось. А в засуху сильную, что прошлым летом была, приходил и поливал болотной водой брёвна эти.

— Так вот зачем ты на болото всё ходил! — засмеялся заведующий. — А вся деревня в неведении была, куда и зачем ты бродишь, всякие небылицы стали сочинять...

— Понимаешь, работа грязная и тяжёлая, —

пояснял столяр. — Пока это бревно из трясинны вытащишь, весь как черт в грязи угваздаться. А возвращаться в деревню в таком виде не хотелось. По темноте приходил домой и — сразу в баню мыться. А как просохли брёвна, привёз я их по первым морозам. Ну, и за работу уселся. А узор этот я на окладе одной из икон в доме Фаины увидел, — указал Николай на затейливые завитки, что во многих местах на панно были вырезаны. — Дивным мне он тогда показался. Решил его в своей работе повторить.

— И ты, Николай, хочешь такую красоту к нам в клуб, верно? — деловито спросил заведующий.

— Да, хочу, чтобы все наши деревенские жители поглядеть могли.

— Хорошее дело, Николай!

После майских праздников все деревенские жители заходили в клуб посмотреть на работу Николая. Дивное деревянное панно раскинулось во всю стену. Каждый подходил и узнавал на нём либо себя, либо своих родственников или соседей. В одной резной фигурке бабы признали Наталию-покойницу, жену Николая.

— Ой, баско как вырезал всё Николай-то наш! — хвалили работу Николая старухи. — Ой, затейник какой, от Бога всё у него энтю!

— Наталию-то он свою как красиво изобразил!

— Любил её очень Николай-то!

— Видно, и сейчас забыть никак не может.

— Хороший мужик!

— А дерево-то как светится, переливается! — изумлялись мужики. — Словно не дерево, а самоцветы какие! Ох и дивную штуку сотворил Николай!

— Золотые руки у нашего Николая! — говорили меж собой бабы. — Такое диво сделал на радость всей деревне, на память нашим потомкам.

До сих пор диво это в сельском клубе находится, а местные жители мастера Николая добрым словом вспоминают.

Притяжение севера

рассказ

Лето подходило к концу, потом наступила осень. Деревья всё больше и больше наполняли кроны золотом и медью. Дни становились короче, а ночи — прохладнее.

Я готовился к отпуску. В этом году планировал провести его не в южных краях, на берегу тёплого моря, как раньше, а в окружении суровой северной природы, на небольшой базе у родственника. Дядя Миша держал свою базу на севере Урала и уже не первый год звал меня к себе отдохнуть и полюбоваться природой Севера.

За два с половиной дня пути за окном плацкартного вагона произошла резкая смена летней поры на глубокую осень. Восьмичасовая тряска по ухабам на дядином внедорожнике сопровождалась удивительным уменьшением размера деревьев, кустарников и прочей растительности, пронесившейся за окном.

Наконец пейзаж стал совсем непривычным для меня. Море тайги сначала расступилось, а потом и вовсе осталось позади. Деревья — прежде великаны — превратились в редкие миниатюры, словно неизвестный любитель бонсай высадил их среди россыпи камней. Бесчисленные ручьи и реки несли кристально чистые потоки воды, освободившейся из ледяного плена белевших высоко в горах ледников. Низины блестели зеркальной гладью неподвижных вод. Разноцветный ковер из мхов и лишайников покрывал холмы.

База дяди Миши состояла из нескольких небольших домиков-вагончиков, расположенных на каменистом берегу одной из рек. А на противоположном находилось стойбище, там стоял небольшой деревянный дом, рядом возвышался конус настоящего чума.

— Это Якур зимнее стойбище готовит, — пояснил дядя, вытаскивая мои вещи из багажника автомобиля. — У него раньше было

стойбище в другом месте, за дальним перевалом. А ко мне приезжают туристы. Вот мы вместе с Якуром и решили, что нам обоим будет лучше по соседству жить. Сейчас ведь гостей интересует не только рыбалка, но и экзотика — ну хоть жизнь оленеводов.

— То есть у вас взаимовыгодное сотрудничество? — уточнил я.

— Без этого здесь никак, — пояснил дядя Миша. — Якуру я кой-какие товары достаю, дровишек ему подкидываю. А он мне оленины дает, организует для гостей прогулки на собачьих или оленьих упряжках. На рыбалку с ним и его сыном выезжаем.

— А сколько у него оленей?

— Здесь — немного, и полусотни не наберется, — рассказывал дядя. — Основное стадо он между старшими двумя сыновьями несколько лет назад разделил. Они за перевалом находятся.

— Он, выходит, один в стойбище на том берегу живет? — догадался я.

— Нет, — поправил меня дядя. — С Якуром живут его жена Урнэ, сын Юван со своей женой Литтой.

— Имена-то какие необычные, не запомнить даже! — удивлялся я.

— Наши имена у них, только на свой лад переделаны, — пояснил дядя Миша. — Якур — Егор по-нашему, Юван — Иван, Урнэ — Ирина, Литта — Лида, должно быть. А исконные их имена нам и не выговорить: очень сложно произносятся.

— А они хоть по-русски-то говорят? — вдруг ошеломила меня догадка.

— Ну, конечно! — воскликнул дядя. — Сам всё услышишь и увидишь. Посмотрим пока твой домик. Да поужинаем. А завтра уже соседей наших навестим.

Мы прошли в небольшой вагончик. Дядя Миша показал, что и где находится.

После утомительной поездки и плотного ужина я очень быстро заснул.

Утром следующего дня мы с дядей направились к стойбищу Якура. На моторной лодке переплыли небольшую тихую реку, при этом дядя не стал запускать двигатель, а воспользовался веслами.

Не успели ещё причалить к берегу, как навстречу нам выбежали две лайки средних размеров. Одна была совсем белая, другая — с темно-коричневыми пятнами по бокам, и обе с заострёнными ушами и хвостом, свёрнутым в кольцо.

— Алдан! Хай! — Едва выбравшись из лодки, дядя погладил подбежавших к нему собак. — Встречаете нас, хорошие мои! Ну, ведите к хозяевам!

Собаки были настолько юркими и ласковыми, что я не смог удержаться — тоже провёл ладонью по холкам.

Навстречу нам вышел небольшого роста старик. Одет он был в традиционную для северных народов куртку мехом внутрь, меховые штаны, на ногах — унты. Выглядывающее из капюшона круглое лицо старика украшали жиденькая седая борода и длинные усы.

— Здравствуй, Якур! — приветствовал его дядя Миша, пожимая хозяину руку. — Познакомься, мой племянник!

— Приветствую тебя! — по-русски, чисто произнес старик, обращаясь ко мне.

— Здравствуйте! — ответил я.

— Ну, пойдёмте в гостевой чум! — пригласил хозяин, указав рукой в сторону своего жилища; он при этом всё время улыбался.

— Вы прямо тут живёте? — спросил я его, когда он откинул одну из шкур, которой был завешан вход в чум, приглашая тем самым войти внутрь.

— Не-не! — улыбался старик. — Это гости живут, а мы с семьёй — в избе.

— Это у них вроде гостевого домика для туристов! — пояснил дядя Миша.

Внутри было довольно темно, но уютно. На полу, в самом центре, из больших камней был выложен очаг. Остальная часть пола застелена шкурами. Массивные длинные жерди, составляющие каркас стен чума, уходили высоко вверх, образуя над очагом небольшое отверстие, через которое внутрь проникал столб дневного света.

Едва мы устроились на шкурах, как в чум вошел мужчина средних лет, а вслед за ним — две женщины. Та, что седая, старушка, несла охапку хвороста. Другая, молодая, — блюдо с большими кусками отварного мяса.

— А, Юван, приветствую тебя! — вскочил на ноги дядя Миша.

Я тоже поднялся с пола, чтобы поздороваться с сыном хозяина.

— Урнэ, Литта, доброго вам дня! — поприветствовал дядя Миша женщин, которые, улыбаясь, поклонились ему в ответ.

— Здравствуйте! — громко произнес я.

— Здравствуйте! — ответили мне женщины.

Хозяева чума были приветливы, но разговаривали мало. Женщины молча сидели у огня, разогревали на нём мясо, кипятили воду. Юван то смотрел на пламя, то — на хлопоты женщин. Один старик Якур неторопливо беседовал с дядей Мишей. Я разглядывал небогатое убранство чума, одежды хозяев, слушал разговор дяди и старика.

Хозяин стойбища вынул из кармана курительную трубку, набил в неё табуку и раскурил от лучины, зажженной в очаге. Дядя Миша в свою очередь достал из куртки пачку сигарет, угостил сигареткой Ювана и меня.

— Когда, Якур, к тебе старшие сыновья приедут? — поинтересовался мой дядя. — С прошлого сезона их не видать.

— Отправят своих детей на учебу — и с первыми снегами приедут.

— Они тоже оленями занимаются? — вставил вопрос я.

— Да, только к этому приучены, — заключил старик.

— Завтра давай на рыбу съездим, — предложил дядя Миша. — Хочу племяннику такую рыбу показать, какую он ни в одном магазине не видал и не пробовал.

— Можно и на рыбу, — промолвил Якур и затащил табак.

Угостившись вареной олениной и попив чаю из трав и ягод, все вышли из чума наружу. Женщины скрылись в деревянном доме, а Якур и Юван стали показывать мне своё хозяйство. Мы прошли к большому загону, сколоченному из жердей. Там находились несколько десятков оленей серо-бурого окраса. Взрослые особи были все с рогами, с той только разницей, что у одних они крупные и ветвистые, а у других — совсем небольшие. В стаде были и совсем маленькие оленина,

хрупкие, на непропорционально длинных ногах, ещё без рожек.

Я кивнул на взрослых оленей и спросил у Ювана:

– Это всё молодые самцы?

– Не, тут и самки, и самцы, – пояснил тот.

– У самок тоже рога вырастают? – удивился я.

– Да, – вступил в разговор мой дядя. – Только самки свои рога летом сбрасывают, а самцы – зимой.

Якур принёс пару рогов и отдал их мне в качестве подарка.

– На, бери, только сам не носи! – смеясь, сказал он.

– Обещаю не примерять! – усмехнулся и я.

Все разом захохотали.

Незаметно прошёл тот день.

А на завтра, ранним утром, когда было ещё совсем темно, мы, четверо мужчин, выехали на лодке вниз по течению реки. Вскоре взойшло солнце, обещавшее чудесный день.

Проплыв больше часа, мы остановились у одного отвесного скального выступа. В этом месте было много заводей. Рыбу ловили на поплавочные удочки, спиннинг и донные снасти. В реке было так много рыбы, что за несколько часов два бака, уложенных на дно нашей лодки, наполнились уловом. Здесь были щука, окунь, пелядь, омуль, чир, муксун и нельма. Много было поймано и тайменя.

Поблизости, на берегу, разожгли костер и поставили на огонь прихваченный из дома котелок. Дядя Миша и Якур выпотрошили несколько рыб, опустили их в кипящую воду, добавив нарубленного лука и лаврового листа. Через несколько минут, сидя у костра, мы наслаждались вкуснейшей ухой.

– Нет в ухе соли, нет картошки, – пояснял, улыбаясь, Якур. – Раньше соли не было и картошки не было, рыбу так варили и ели.

Но без овощей и соли уха показалась мне самой вкусной из того, что мне удалось попробовать в жизни.

После плотного обеда долго сидели у костра, курили, разговаривали.

– Сегодня всполохи будут, – сказал Якур, задумчиво глядя в чистое небо.

– Да ну, рано ещё, – возразил дядя Миша. – Это Якур про северное сияние говорит, – пояснил он мне.

– Будут-будут, – улыбался старик. – Юван, заботы тебе с Литтой прибавится.

– А при чём тут северное сияние и Литта? – поинтересовался я.

Все молчали. Юван опустил взгляд. Я понял, что вопрос мой неудобный, и задавать его повторно не стал.

Нагруженная наша лодка причалила к берегу, на котором стояло стойбище Якура. Они с Юваном вытащили один бачок с рыбой, прихватили и свои рыболовные снасти. Мы с дядей Мишей направили лодку к противоположному берегу.

Весь вечер на базе мы потрошили и чистили рыбу. Часть из неё на улице подвесили на деревянную перекладину за хвосты, предварительно вставив внутрь поперек каждой тушки небольшую веточку. Это делали для того, чтобы раздвинуть края брюшка рыбы для лучшего просушивания. Другую часть чищенной рыбы разрезали на большие куски, которые обильно обсыпали солью и сложили в бачок с перфорированным дном.

– Рассол с лишней солью будет вытекать в эти отверстия, так рыба не забродит, – пояснил мне дядя Миша.

– А муксунчик этот уже к вечеру готов будет, – держал он в руках большую рыбину. – Вот мы его с тобой под водочку и слопаем!

– Да, заманчивое предложение! – сказал я.

– А то! – подмигнул мне дядя Миша.

Тот мой неуместный вопрос не давал мне покоя. Теперь, когда мы с дядей были вдвоём, я всё же опять спросил у него:

– Дядь Миша, а почему Якур сыну сказал, что у того забот каких-то с Литтой прибавится?

– Эмирячка она! – ответил мне он.

– Как это? – я недоумевал.

– Есть такой феномен, – пояснил дядя Миша. – Еще Амундсен упоминал об этом... Эмиряченье – так ученые называют арктическую истерию, или арктический психоз. Были случаи, когда несколько человек ни с того ни с сего начинали повторять слова и движения других лю-

дей, кричать, принимать странные неестественные позы, хороводить. Очнувшись от этого наваждения, они ничего не помнили. Некоторые доводили себя до такого истощения, что просто валились без сил и спали несколько дней.

— И Литта страдает таким недугом? — я очень заинтересовался.

— У неё этот недуг иначе проявляется. Она впадает в забытие, становится как зомби и направляется строго на север. Сколько раз такое было, что зимой полностью нагая выходила из дома и шла по сугробам в тундру. Хорошо, что хоть родня рядом всегда находится, не даёт ей уйти далеко.

Я озадаченно покачал головой:

— А мне она показалась абсолютно здоровой...

— Это ещё один феномен эмиряченья, который называют зов Полярной звезды, — продолжал дядя Миша. — Одни верят, что человек так с иным миром общается, другие считают, что это злые духи так над людьми смеются, манят их на верную гибель. Сколько в таком состоянии людей уходило и замерзло или тонуло в реках! По-разному к этому относятся местные люди. Кто-то таких людей за бесноватых считает, а кто-то — почти за святых. Но ведь и у нас к юродивым так относились: одни — прогоняли, другие — чтили.

— И такое с Литтой происходит каждый раз, когда происходит сияние? — уточнил я.

— Нет, раз на раз не приходится, — отвечал дядя. — Но Якур по каким-то своим приметам заранее знает о предстоящем сиянии.

— И предупреждает об этом своего сына, — заключил я.

Вечером с дядей Мишей мы сидели в его вагончике за столом, объедались малосольным муксуном. В разговорах за рюмочкой под хорошую закуску прошёл весь вечер. Уже поздно ночью возвращался я в свой домик. Небо было чистое и звёздное, никакого сияния видно не было.

Меня разбудил лай Алдана и Хая, доносившийся с другого берега реки. Спросонья мне почудилось, что за окном уже рассвет. Однако, присмотревшись, я увидел, что ночное небо озарилось десятком ярких языков света. Наб-

росив на плечи куртку, я вышел на крылечко.

Мерцание переливалось разными оттенками — от красно-фиолетовых до желто-зеленых. Удивительные волны колыхались по всему небосклону. Я смотрел вверх как замороженный. Несмотря на пробиравший всё моё тело холод, оторваться от этого зрелища я не мог.

В чувство привёл меня только кашель дяди Миши. Он сидел на крыльце своего домика, курил.

Через некоторое время на противоположном берегу послышались непродолжительные крики. Это Юван с Урнэ звали Литту. Насколько можно было рассмотреть по темным силуэтам фигур, они догоняли её, удерживали, затем поволокли обратно в жилище.

— Это Литта? — спросил я у дяди.

— Да, — спокойно ответил он мне. — Скоро у неё всё пройдёт.

Этот ответ меня успокоил. Мой взор снова обратился на таинственное небесное свечение. Не помню, сколько я так простоял, глядя в небо. Помню, что край его стал уже розоветь, а разноцветные всполохи померкли. Только тогда, промерзнув до самых костей, я понял, что долго простоял на крыльце.

Удивительное природное зрелище меня потрясло. Манящая красота в некоторой степени подействовала и на меня. Однако мысль о том, какую опасность оно представляет для Литты и некоторых других людей, зародила во мне убеждение, что у этой небесной красоты есть и зловещая сторона.

Утром мы с дядей направились к соседям. Какие-либо признаки случившегося ночью отсутствовали. Всё было по-прежнему. Урнэ с Литтой занимались домашними хлопотами, готовили еду, угощали нас олениной. Старик Якур и его сын Юван сидели у очага, мирно курили и разговаривали с нами.

Следующей ночью, задолго до рассвета, я снова проснулся и вышел из своего вагончика. Лежавшее на крыльце квадратное пятно света, лившегося из проёма открытой двери, отделяло меня от тьмы. Стоя на крыльце, я чувствовал, как на лицо опускаются редкие снежинки. Небо было плотным, без единой звезды, а земля покрыта белым саваном.

Ночь прошла спокойно.

Оставшиеся дни я провёл в беседах со своим дядей и его соседями. Ни мой дядя, ни его друзья-соседи не считали, что северное сияние влияет на Литту противоестественно. Наоборот, Якур и члены его семьи утверждали, что Литта отмечена неким даром, благодаря которому она общается с иным миром, — миром духов — их предков.

— ...Давным-давно все люди жили на Юге, — начал рассказывать Якур одну из легенд. — Жар Солнца вызывал в людях жажду богатства, славы и власти. Люди враждовали между собой и почти истребили друг друга. Но однажды ночью, когда Солнце спало, оставшиеся в живых люди услышали шёпот Звезды. Звезда звала их к себе, на Север, где в холодных водах много рыбы, в воздухе много птиц, а на снегах пасутся олени. Люди пошли на зов Звезды. Поселились здесь, на Севере, и стали жить без вражды. Наступил мир между людьми. А духи предков в знак примирения стали зажигать в небе яркие огни.

Такие рассуждения старика окончательно развеяли мои тревоги за Литту и ей подобных.

Уже перед отъездом, в самые последние дни моего пребывания в этих краях, мы опять выехали на рыбалку. А потом вместе с хозяевами поднимались на соседнее горное плато, испещренное множеством каньонов и водопадов, наблюдали за перегонном стад северных оленей. Природа Севера не переставала поражать своей суровой красотой. Как быстро всё вокруг преобразалось! Разноцветье ковров из мхов и лишайников сменилось серо-белым покрывалом. Природа готовилась к самой длинной и холодной поре — приближалась полярная ночь, а вместе с ней период небесных мерцаний.

Прощаться с этим диким и удивительным миром мне не хотелось.

Чем дальше уносил меня поезд, тем твёрже становилось моё желание вернуться туда, словно таинственная сила самой Полярной звезды влекла меня в те края.

ЧЕРНИКА

рассказ

Каждый год наступает пора, когда небо тяжелеет, словно наливаясь грустью и тоской, а поля и луга сменяют летнее разноцветье на грязно-охристые тона, придавая безысходность и уныние окружающей картине. На краю горизонта лес кое-где становится бурым и полупрозрачным, а местами превращается в тёмную массу. Частая морось обращается в стеклянную крупу, которая нещадно колет глаза и щёки. Сильные порывы промозглого ветра пробираются под полы одежды, заставляя ёжиться каждого, кто попался на пути. В это время полинявшая осень уступает место зиме.

В один из таких серых дней на свинцовой ленте дороги показалась телега с запряженной в неё кобылой чёрной масти. В телеге лежала девочка лет десяти, одетая в полушубок и закутанная поверх него в серую шаль. Лицо её было бледным, глаза полузакрыты. Лошадью понукал мужичок средних лет, который то и дело оборачивался на девочку.

— Потерпи, Полюшка, скоро до доктора доедем! — говорил ободряюще мужичок. — Но, милая, пошла, поторапливайся!

Не стеснялся он часто стегать вожжами кобылу, а та тянула тяжело.

— Не бей, тятенька, Черничку, — попросила девочка отца. — Ты же знаешь, что она жеребёночка носит.

— Ничего, Полюшка, выдюжит, на то она и лошадь. Лишь бы довезла нас скорее. Но, пошла!

На пригорках грязь местами подмерзала. В низовьях дорога была совсем раскисшая. До города оставалось вёрст пять. Дорога шла по крутому подъёму на холм, на вершине которого и расположился небольшой уездный городок.

Вязкая глина комьями налипала на колёса телеги, неохотно отваливалась от них крупными рыжими глыбами. Копыта Черники

скользили, а мужичок всё больше и больше стегал лошадь по крупу. От этого кобыла начинала часто перебирать разъезжающими в грязи ногами, с натугой резко подаваться вперёд, громко кряхтя и хрипя.

И вот, когда Черника вскарабкивалась вверх, её левая передняя нога соскользнула с мокрого плоского камня. Кобыла с громким визгом упала передними ногами на колени и, пригнув шею, уткнулась лбом в самую грязь. В такой позе лошадь замерла, она часто дышала, выплёвывая пену и дрожа всем телом.

– Но, милая, вставай! – хлестал её мужичок.

Черника не слушалась.

– Вставай, вставай! – взревел мужик. – Вставай, дочь помирает!

Он оглянулся: девочка затихла и лежала теперь с закрытыми глазами.

Черника вскинула голову вверх, из последних сил оттолкнулась правой ногой и сумела подняться. Тут же левую ногу она согнула в колене, жалобно визжа.

– Но, милая, потерпи! – уговаривал мужик, натягивая поводья. – Давай, дочку надо довести!

Черника наступила на поврежденную ногу, напряглась всем корпусом и с визгом, ржанием потянула телегу. Ноги лошади подкашивались, она падала, снова вставала. Наконец, взобравшись на гору, Черника остановилась, чтобы перевести дух. Тяжело отдышавшись, снова взвизгнув, поплелась, прихрамывая.

Доехав до больницы, мужичок спрыгнул с телеги, подхватил девочку на руки и почти побежал к крыльцу.

– Доктор! Доктор, спасите! – с порога крикнул он, едва ворвавшись в тёмный коридор. – Дочка у меня!..

– Сюда! – скомандовали ему с другого конца коридора.

Через несколько минут дежурная медсестра записывала в формуляр сведения о поступившей девочке и её отце.

– Как зовут девочку и вас?

– Полюшка, дочка моя единственная. Я отец ей, Савелием зовут.

Медсестра заполнила необходимые бумаги

и уже вставала из-за стола, как Савелий ухватил её за руку:

– Скажите, что с ней такое?

– Не волнуйтесь так. Сейчас её прооперируют, – успокаивала несчастного отца медсестра. – Доктор диагностировал острый аппендицит. Хорошо, что вовремя привезли... Всё, что от нас зависит, мы сделаем. Вам же стоит только молиться.

Отец Полюшки просидел несколько часов на скамейке в коридоре, пока к нему не вышел доктор.

– С вашей дочерью всё в порядке, – ровным голосом сказал доктор. – Операция прошла успешно, сейчас Полина спит. Если бы потеряли больше времени, то исход был бы непредсказуемым. А навестить можно завтра после обеда.

– Спасибо, доктор, спасибо! – взволнованно проговорил отец.

– Вам есть где заночевать? – поинтересовался доктор.

– Да, у меня в городе двоюродный брат живет, у него и остановлюсь.

Савелий вышел на больничное крыльцо и направился к Чернике. Лошадь стояла на прежнем месте, понуриив облепленную грязью голову, она тяжело дышала. Взяв за поводья, Савелий повёл её за собой. Черника брела, сильно прихрамывая на переднюю ногу.

– ...Да как это ты, Савелий, решился запрячь жеребую кобылу?! Да в такую даль её погнать! Да по такой погоде? – за поздним ужином сокрушался Кирилл – двоюродный брат Савелия.

– А что мне прикажешь делать? – пояснял тот. – Полюшка с вечера занемогла, под утро ещё хуже стало. Запряг Чернику – и вперёд. Кто ж знал, что споткнётся по пути? Мне главное – дочь спасти.

– Ну да, конечно, – с сочувствием вздохнув, соглашался Кирилл.

– Думаешь, сломала всё ж ногу-то? – Савелий с надеждой взглянул на брата.

– Ты сейчас о дочери думай. Я распряг Чернику, завёл в конюшню, напоил, дал ей сена

и овса. Завтра ветеринара позову. Не беспокойся, — размеренно толковал Кирилл.

— Спасибо, брат, — вяло улыбнулся Савелий.

Утром чуть свет Савелий был уже на ногах. Не мог он ждать обеденного времени, чтобы навестить дочь. Решил пораньше отправиться в больницу.

— ...Я же вчера сказала, что только после обеда можно повидаться, — с укором выговаривала медсестра Савелию. — Полина ещё спит, беспокоить её не нужно. У неё всё хорошо. Приходите после обеда.

Тогда Савелий вернулся к дому брата. К тому времени Кирилл уже привёл ветеринара, тот как раз осматривал Черника.

— Ну что я вам скажу?.. — сказал ветеринар, ополаскивая руки у рукомойника. — Налицо перелом.

— Да что ты, какой перелом?! — воспротивился Савелий. — Она бы и стоять не смогла, не вытянула бы в гору телегу!

— Да-с, но перелом — это факт! — настаивал ветеринар.

— Да ты понимаешь, что значит перелом для лошади?! — мигом вспыхнув, разошёлся до крика Савелий.

— Да, понимаю, — невозмутимо ответил ветеринар, тщательно обтирая полотенцем руки. — Бойня.

— Что?! Бойня? — Савелий выпучил глаза.

— Да-с, именно бойня. Вот можете прямо сейчас отправить её на мясозавод. Он в пяти верстах отсюда. Скажите, что от Малышкина — это я, — и вам хорошую цену предложат.

— Она же жеребая! — гремел голос Савелия.

— Ожереб должен начаться не сегодня завтра, — заметил ветеринар. — Но с такой травмой, сами знаете, лошади не жильцы!

— Ну, может, что-то можно сделать?.. — с надеждой спросил Кирилл.

Малышкин лишь развел руками, взял у хозяина дома деньги за осмотр и, подхватив чемоданчик, направился со двора.

Черника стояла в стойле, понурился голову. Савелий подошёл к ней, положил ладонь на переносицу:

— Прости меня, Черника, дурня старого...

Лошадь сделала шаг ему навстречу, мотнула головой и фыркнула в знак примирения.

Вечером за ужином между Савелием и его братом шёл неторопливый разговор.

— Доктор сказал, что Полюшка идёт на поправку, — говорил Савелий. — Захожу в палату к ней сегодня, она уже улыбается. Всё о Чернике беспокоится, спрашивает.

— Слава богу, обошлось! — удовлетворенно кивнул Кирилл.

— Да... Только вот с Черникой как быть — в голове не укладывается, — досадовал Савелий. — Хорошая же коняга, не старая ещё! Верой и правдой все эти годы нам служила. Вот ведь незадача какая...

— Давай-ка, Савелий, Чернику к стропилам конюшни подвесим, — предложил двоюродный брат. — Пока ожеребится, а там видно будет. С жеребёнком-то внутри какой вес на ноги она, бедолага, переносит!..

— А чем чёрт не шутит?! — вынужденно согласился Савелий.

Так и сделали. В нескольких местах сыромятными широкими ремнями обвязали переднюю часть туловища Черники, концы их перебросили через стропила. Под грудь и шею Черники положили несколько тюков сена. Теперь лошадь находилась в полулежачем состоянии. Она с беспокойством мотала головой, часто фыркала. Когда Савелий и Кирилл подтянули ремни, Черника распрямила передние ноги.

— Ну, милая, потерпи! — похлопал Савелий её по шее. — Всё разрешится, мы тебя приподнимем.

— Да, похоже, сегодня-то и разрешится, — внимательно осматривал кобылу Кирилл.

В ту ночь Черника принесла жеребёнка.

— ...Рыжая какая кобылка-то родилась, словно огонь! — улыбаясь, смотрел Савелий на жеребёнка. — У Николая, шурина, жеребчика брал. Вся в него. Хорошая коняга будет.

— Да, редко когда в ноябре жеребята появляются, — заметил Кирилл.

— Ну уж, брат! Как природа распорядилась,

так и вышло! — усмехнулся Савелий. — А Чернику так и оставим пока на подвесах?

— Давай только её приподнимем. Жеребёнок шустрый, сам подходит к ней, облизывается... И вымя отыскал — сообразил.

— Гляди-ка, опухоль сошла, — склонился Савелий к поврежденной ноге Черники, осторожно погладив её.

— Ну, во-первых, какой она вес ночью скинула! Во-вторых, подвесы её саму легче сделали — всё меньше держать, — рассуждал Кирилл.

— Может, и обойдётся всё? — гладил Савелий по длинной морде Чернику, глядя в её большие круглые глаза.

Прошло около двух недель. Полину готовили к выписке из больницы.

Нога Чернику беспокоила меньше — увереннее ступала на неё. Но всё равно было видно, что болезненность ещё есть.

— Слава богу, не перелом это был, — говорил Кирилл брату, в очередной раз осматривая ногу лошади. — Видимо, растяжение связок. А этот коновал толком даже не осмотрел её, сразу на бойню записал. Ух, таких бы горе-ветеринаров к скотине вообще не подпускать!..

— Да, в такую круть поднимала нас, да ещё сама с таким бременем! — сетовал Савелий. — Горочка-то у вас в городе при въезде не приведи господь! А слякоть такая, что любой себе шею переломает, если на ней поскользнётся. Я тоже, дурья голова, с испугу за Полюшку хлестать стал её что есть мочи.

— Ну, чего уж теперь, Савелий... — утешал Кирилл. — Всё хорошо, что хорошо кончается.

Братья развязали ремни на туловище Черники, освободили её от подвеса. Лошадь, прихрамывая, медленно прошла по стойлу. Направилась к жеребёнку, начала его обнюхивать и облизывать. Затем развернулась, подошла к братьям, приблизила к ним голову и громко выдохнула — будто в знак благодарности.

— Ты, Савелий, Чернику с жеребёнком пока у меня оставь. А по весне, когда нога сов-

сем заживёт, заберёшь её с приплодом. А домой доехать — подводу возьмёшь.

— Кирилл, я тебе все расходы на Чернику покрою, — горячо, с благодарностью заверял брат. — Ты не думай!..

— Да полно, разберемся! Родня ведь! — усмехнулся Кирилл. — Когда дочь выписывают?

— Завтра, — ответил Савелий.

Полину выписали. Отец привел её в дом к дяде, но она первым делом кинулась на конюшню. Следом пошли и братья.

— Ой, какая хорошенькая! — увидела девочка жеребёнка. — Такая рыжая! — Она обняла жеребёнка за длинную худую шею, затем провела ладонью по его ершистой челке и короткой гриве. — Тятя, давай её Искрой назовём? — предложила отцу.

— Давай! — сразу согласился тот.

— Черничка, бедная моя, выздоравливай быстрее. — Полина прижалась щекой к своей любимице. — Поправляйся, скоро тебя домой заберём.

— Не переживай, племянница, обеспечу и Чернике, и Искре должный уход! — заверил её Кирилл, растроганно улыбаясь.

— Спасибо, дядя! — глаза Полины светились благодарностью. — Спасибо и тебе, Черничка, что довезла меня до больницы, — обратилась она к лошади.

Лошадь в ответ громко фыркнула, ткнувшись бархатными губами в Полинин лоб.

Весной, когда снег совсем сошёл, дорога почти просохла, Савелий с дочкой приехал к брату, чтобы забрать Чернику и Искру домой.

— Не знаю, как и благодарить тебя, Кирилл, — говорил Савелий, когда все стояли во дворе. — Чернику нашу выходил, на ноги поставил. Вон она как рвётся в путь-дорогу!

А Черника уже стояла запряженная в телегу посреди двора, фыркала, мотала головой, била копытом землю. Дочка её, Искра, скакала вокруг матери.

— Да полноте, брат, — потрепал Кирилл Савелия по плечу. — По себе знаю, что такое лошади лишиться. Помнишь мою лошадь последнюю? Жеребёнком её взял... Пятнадцать

лет жила у меня. А вот волки её, горемычную, задрали три года назад. Горевал я долго...

Наконец гости распрощались с хозяином, приготовились выдвигаться в путь. Черника легко и проворно потянула телегу за собой. Она шла резво, уже не хромя, а рядом бежала дочка её Искра.

Уже ближе к зиме, когда Искра подросла, Савелий предложил дочке подарить жеребёнка дядюшке.

— А что, дядя Кирилл — добрый человек, очень любит лошадей, — рассуждала Полина. — Искре будет хорошо у него.

— Благодаря ему ведь и выжили они... — напомнил Савелий.

Так и подарили Искру Кириллу.

Шло время.

Каждый раз, когда Савелий и Полина приезжали в город, в дом к Кириллу, они наблюдали удивительную картину. Черника, встречая молодую огненно-рыжую кобылицу, начинала мотать головой. Искра степенно подходила к Чернике, облизывала материну морду и фыркала от удовольствия.

А потом, когда время настало, у Искры родился жеребёнок чёрной масти. Встречая

Чернику, скакал он рядом с ней по залитому солнцем двору, высоко задирая задние ноги. Черника тыкалась Искре в уши бархатными губами, облизывала жеребёнка и громко фыркала, прикрывая от удовольствия большие глаза.

Евгений ПОНОМАРЁВ

*родился в 1982 году в посёлке Старый Надым
Надымского района Тюменской области.*

По специальности — юрист.

*Работает в Министерстве строительства
и развития инфраструктуры Свердловской области.*

Живёт в Екатеринбурге.

*Увлекается масляной живописью,
участвовал в нескольких выставках.*

*Пробует себя в литературном творчестве —
пишет рассказы для взрослых и детей.*

Ранее не публиковался.

Дебютирует в журнале «Север».

